

чистая любезность, он говорил те вещи, которые, как он чувствовал, от него хотели слышать, и он был тронут голосом Ахматовой и выражением ее лица. Он знал, что она пользуется авторитетом, но для него оставалось неясным, на чем он зиждется, и я чувствовал, что он не может понять, каким образом финал стихотворения вдруг сфокусировал историю русской литературы. Он снова чувствовал себя чужаком: ему недоступна была выраженная по-русски мысль о наивысшей важности и насущности вещественной красоты. Он видел, что другие ощущают нечто особенное, но сам ощутить этого не мог.

Услышав, как Ахматова читает это стихотворение, мы были растроганы. Все присутствовавшие были настолько поражены авторским исполнением, а также жизнью и мировосприятием, отразившимися в этом восьмистишии, что в течение нескольких секунд мы безмолвствовали. Не выразимая словами сущность стихотворения тенью легла на комнату. Фрост запомнил это, и он запомнил выражение лица Ахматовой: впоследствии он говорил, что она была величественной и в то же время очень печальной.

№3

Пятница

<...> В четверг вечером мы ужинали у Мэтлоков. Фрост забавлял шутками их маленьких детей и с удовольствием ел американскую пищу. Зазвонил телефон. Мэтлок снял трубку и просиял: Фроста пригласили завтра посетить Хрущева. Он летит из Москвы в восемь утра.

Мы двинулись обратно в гостиницу примерно в десять тридцать. По дороге Фрост вдруг пожаловался на слабость в ногах и плохое самочувствие. Адамс, его старинный закадычный друг, принялся легонько трунить над ним,